

наука Урала

Выходит
с 17 октября 1980 г.

*Орган президиума и объединенного комитета профсоюза
ордена Октябрьской Революции Уральского отделения Академии наук СССР*

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СРЕДА,

22

июля

1987 г.

№ 29 (331)

Цена 2 коп.

К 70-летию Октября

...В БЕЗЗАВЕТНОМ СЛУЖЕНИИ ИСТИНЕ

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский прожил трудную, аркую, необычную жизнь. Он — не «еще один ученый», а один из великих ученых, чья «добрость не в том, чтобы доказать превосходства своей идеи, а в том, чтобы отказаться от своих за- служений, позволить себе оправдаться, сдаться истине...».

Свою исследовательскую деятельность он начал в 1921 году в области гидробиологии в институте в г. Звенигороде на биостанции МГУ у С. Н. Скадовского. Однако скоро увлекся генетикой и там же, в Звенигороде, стал работать по генетике и биометрическому изучению популяций дрозофилы в лаборатории С. С. Четверикова. По предложению директора института Н. К. Кольцова он был направлен в 1925 году в Берлин, где создавался совместный советско-немецкий научно-исследовательский институт мозга. Лабораторией генетики в нем стал руководить Н. В. Тимофеев-Ресовский. Приехал в Германию вместе с женой — кропотливым исследователем — биологом на пару лет, а затянулась командировка более чем на два десятилетия.

Наверное, было бы легче развивать генетику в Америке, куда ему предлагали перебраться из Германии в 45-м году, но ведь он русский! В 1955 году он начал строить, создавать свою лабораторию по своим планам и проектам, своими руками на Урале, на берегу озера Миассово.

В. А. Молчанов, бывший в те годы заместителем директора заповедника, вспоминает: «Я познакомился с Николаем Владимировичем весной... Он приехал на базу заповедника, рассказал о своих планах создания биостанции, попросил о помощи в переоборудовании «Дворянского гнезда», строительстве поселка. Его оптимизм, неумная энергия, остроумие заразили всех нас, заставили поверить, что мы сможем претворить в жизнь его планы. Помню, когда уже начали ремонтировать будущий лабораторный корпус («Дворянское гнездо»), я вместе со своим помощником, пензенским мужиком, мастером на все руки Тимофеем Федоровичем Новиковым приехал в Миассово. Вышли из машины, приближаемся к поляне, где сидел Николай Владимирович в окружении своих сотрудников. А группа у него была человек 12—15. О чем-то оживленно беседуют. Почтительное расстояние разделяло нас, а он вскочил, изогнулся и могучим своим басом возвестил: «Тихо: Rossi идет!». Я не растерялся, подошел ближе и говорю:

— Дорогие дамы! Я вынужден извиниться перед вами, потому что на алтарь отечества брошу моего лучшего друга — Расстреля, а сам уезжаю, так как Александрику сдали с большими недоделками.

Николай Владимирович засмеялся, и этот разговор был началом наших дружеских отношений.

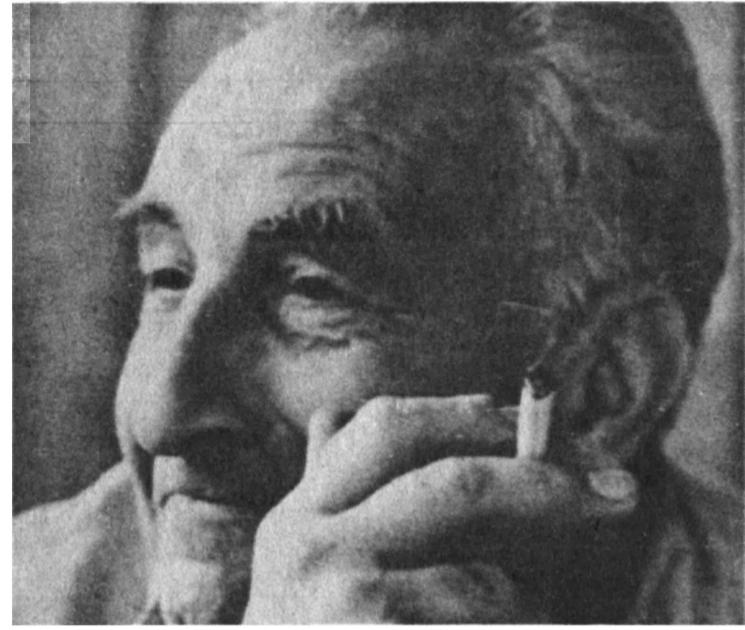
Удивительно, как у этого человека на все хватало времени. Именно тогда он активно и плодотворно развивает заложенные С. С. Четвериковым основы популяционной генетики, формулирует современные представления о микрозволюционных процессах, исследует количественные закономерности естественного мутационного процесса на примере прямых и обратных мутаций, участвует в создании основ современной радиационной генетики. В это же время вникает во все хозяйствственные дела, связанные с созданием и строительством биостанции в Миассово: «Большое Вам спасибо за постоянные заботы о ремонте «Дворянского гнезда». По рассказам Н. В. Куликова дела там идут хорошо, особенно он довolen дисциплиной и трудолюбием Ваших рабочих и способностями Тимофея Федо-

ровича Новикова... Крышу надо отремонтировать, перекрыть над верандами и заладить несколько дыр над домом. Углубить земляной пол на 25—30 см, чтобы поместить аппарат высотой в 2,5 м. К плану Тимофея Федоровича (о водонапорном баке) целиком присоединяюсь. Установить водонапорный бак не в чулане или на чердаке дома (что связано с большими трудностями), а на холмике справа от дома: это будет и дешево, и проще для обогрева и позволит в дальнейшем снабдить водой весь поселок. После праздников надобно будет подготовить (вспахать и заборонить) участок вокруг метеоплощадки. Наконец, надо, как можно скорее, отремонтировать моторку». (Из письма Н. В. Тимофеева-Ресовского В. А. Молчанову от 26 апреля 1955 г.).

И вот поселок построен, лаборатория оборудована, начались эксперименты, пошли результаты. В стране господствовала теория Лысенко, развивающего «творческий дарвинизм». Об истинной генетике, о принципе зависимости любого наследственного признака от всех генов или «генотипической среды» и влиянии каждого наследственного фактора на все признаки организма публиковать материалы было нельзя. А говорить можно! Проводились семинары, совещания, школы. На них Николай Владимирович со своим научным энтузиазмом, искрометным остролюбвием и вместе с тем строжайшей логичностью и лаконизмом мышления, последовательностью, чеканной ясностью и убедительностью речи природного педагога и оратора, бескомпромиссной смелостью и прямотой научных суждений и позиций, энциклопедической эрудицией и все запоминающей памятью, страстью к устным выступлениям, докладам, лекциям, дискуссиям, шумным спорам на научные темы, к «крику и гаму» (шуточные характеристики генетических дискуссий, расшифровывающиеся как намек на споры о молекулярно-генетических представлениях Ф. Крика и Г. Гамова) был громогласным поэтом генетики, подлинным учителем для многих советских биологов.

Он был строг и требователен, его боялись и любили, он умел создавать непринужденную обстановку на всех своих школах-семинарах. Днем научные доклады на площадке перед «Дворянским гнездом», а если особенно жаркий день, то слушатели в озере по горло в воде, а докладчик на берегу у перевернутой вверх дном лодки, к которой прислонена доска, чтобы можно на ней мелом начертить схемы (форма одежды у него как и у всех). Рассказчик он был необыкновенный, его низкий голос у костра создавал атмосферу задушевности и склонности, а эта сказка навсегда осталась в памяти «школьников», связав воедино Н. В. Тимофеева-Ресовского, «святое озеро» (так он называл Б. Миассово) и лес вокруг «Дворянского гнезда». До сих пор помнит А. А. Краснобаев, как Николай Владимирович читал «Евгения Онегина», а Людмила Федоровна Баженова тот семинар, когда вопросы к докладчику направлялись прямо из озера.

Там, в верхах, не знали о «выдающемся научном вкладе в генетику» Н. В. Тимофеева-Ресовского. Он не был отнесен в нашей стране ни высоким званием академика, ни члена-корреспондента. А международная

научная общественность признала его авторитет ученым-генетиком. В 1959 году ему присуждается дарвинская «Планшета» в связи со столетием выхода «Происхождения видов» Ч. Дарвина, а в 1965 году — золотая медаль Чехословацкой АН в честь столетия опубликования классического труда Грегора Менделя «Опыты над растительными гибридами».

Но поистине всемирное признание получил Н. В. Тимофеев-Ресовский в 1966 году, став обладателем Кимберовской премии, присужденной ему за выдающийся научный вклад в генетику. Эта фраза выбита на массивной золотой медали с барельефами четырех основоположников генетики: Ч. Дарвина, Грегора Менделя, Вильяма Бейтсона и Томаса Гента Моргана.

До 1955 года специальной международной премии за достижения в области генетики и даже биологии вообще не существовало, хотя подобные премии были учреждены за заслуги во многих других областях знания, таких как физика, химия, астрономия, медицина и др. Удивительные успехи, достигнутые за первую половину XX века генетикой, привели к учреждению ежегодной премии за достижения в этой бурно разрастающейся области научных знаний. Премия учреждена директором Кимберовских ферм на фонды этой корпорации как признание той решающей роли, которую сыграли точные генетические методы в успехах и процветании этого сельскохозяйственного объединения.

Выбор кимберовского лауреата среди генетиков мирового класса и ежегодное вручение премии осуществляется Национальной Академией наук при участии других научно-общественных организаций США, таких как Ассоциация по содействию прогрессу наук и генетических обществ Америки. В отличие от большинства научных премий, присуждающихся обыч-

но за какие-либо отдельные выдающиеся исследования и открытия, Кимберовская премия дается за всю совокупность заслуг данного ученого в области генетики.

Двенадцать генетиков, которым эта премия была вручена до Н. В. Тимофеева-Ресовского, принадлежат к числу всемирно прославленных ученых с широко известными именами.

Оригинальные исследования Н. В. Тимофеева-Ресовского раскрывали вопросы распределения радионизотопов по органам и тканям разных видов организмов, распределение более чем 20 радионизотопов в элементах биогеоценоза — воде, почве, растениях, гидробионтах, миграции радионизотопов в компонентах биосфера, влияния их на биоценозы и микрозволюционные процессы, наконец важные вопросы биологической очистки вод, загрязненных радиоактивными шлаками.

Более 250 работ Н. В. Тимофеева-Ресовского, представляющие его основной научный вклад, относятся к области собственно общей генетики и захватывают едва ли не все ее важнейшие разделы, вклад этот в биологию, по мнению академика Б. Л. Астаурова, «необычайно обширен, многогранен, весом и в ряде разделов фундаментален».

Об этом человеке знали в основном только те, кто с ним общался непосредственно или, знакомясь с его публикациями, рассказывая о нем родным, знакомым, друзьям. Совсем недавно написал о нем Д. Гранин, назвав его «зубром». И это отождествление с могучим зверем — «прямое попадание», характеристика могучего таланта, большого ученого, необыкновенного человека. У нашего поколения большой долг перед его памятью.

Л. КАБАНОВА,
заведующая лабораторией
Ильменского государственного
заповедника им. В. И.
Ленина, кандидат геолого-
минералогических наук.

НА СНИМКЕ: школу-семинар в Миассово ведет Н. В. Тимофеев-Ресовский.